

Хто-небудзь адзін выходзіць за дзверы, астатнія загадваюць адзін з прадметаў (або аднаго з аднакласнікаў), які знаходзіцца ў пакоі, пасля чаго адсутны заходзіць – і яму гавораць, напрыклад, так:

– Гэта падобна на селядзец пасля абеду. (Лямпа пад столлю: яна сапраўды падобная на хрыбет і рэбры рыбы).

Выкарыстоўваць гэтую гульню можна не толькі на ўроках развіцця маўлення.

Зразумела, спецыяльная работа менавіта над параўнаннямі не можа працягвацца доўга – можна выкарыстаць адведзеныя праграмай 3 урокі на засваенне спецыяльнай тэорыі. Вынік жа будзе дасягнуты толькі тады, калі настаўнік пастаянна звяртае ўвагу дзяцей на дакладныя параўнанні.

Галоўнае, каб вучні дасягнулі канкрэтнай культуры параўнання, калі банальнасць, штампы былі б ужо немагчымымі; каб дзеці адчувалі, дзе патрэбны параўнанні, і актыўна шукалі іх, умелі выкарыстоўваць ва ўласнай маўленчай дзейнасці.

Літаратура

1. Беларуская мова: вучэбны дапаможнік для 9-га кл. устаноў, якія забяспечваюць атрыманне агул. сярэд. адукацыі, з бел. і рус. мовамі навучання з 12-гадовым тэрмінам навучання (базавы і павышаны ўзроўні) / Л.А. Антанюк [і інш.]. – Мн.: НІА, 2005. С. 328.
2. Буряк Л. І. Сучасная беларуская мова: Сінтаксіс. Пунктуацыя: (Вучэбны дапаможнік для філал. фак. ун-таў). Мн.: «Універсітэцкае», 1987. С. 320.
3. Вучэбная праграма для агульнаадукацыйных устаноў з беларускай і рускай мовамі навучання: Беларуская мова: V-X класы (базавы, павышаны, паглыблены ўзроўні), Мн., 2008.
4. Малажэй Г. М. Беларуская мова: падручнік для 5-га кл. агульнаадукац. школ, з рус. мовай навучання. Мн.: НІА, 2003. С. 384.
5. Малажэй Г. М. Беларуская мова: падручнік для 7-га кл. агульнаадукац. школ, з рус. мовай навучання / 2-ое выд.: дапрац. Мн.: НМ Цэнтр, 1998. С. 271.
6. Малажэй Г. М. Беларуская мова: Падручнік для 8-га кл. агульнаадукац. школ, якія забяспечваюць атрыманне агул. сярэд. адукацыі, з рус. мовай навучання з 12-гадовым тэрмінам навучання. Мн.: НІА, 2004. С. 256.
7. <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200400402>.

БЕЛОРУССКО-ЕВРЕЙСКИЙ ТЕКСТ В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ (И.А. БУНИН «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»)

Е. И. Путырская

В романе И.А.Бунина «Жизнь Арсеньева» условно можно выделить несколько пространственных отношений, которые можно определить как «чужое пространство» и «свое пространство».

«Свое» пространство – это, несомненно, те города, усадьбы, с которыми связаны детские впечатления героя, процесс познания им мира природы и людей, юношеские годы. В этом плане находится и хутор Ка-

менка, в котором происходит знакомство героя с этой «томящей красотой», созерцание и наслаждение природой в разнообразии и богатстве её растительного и животного мира, и Рождество, где «все было необычайно, празднично», наполнено роскошью, великолепием церквей.

«Чужое» пространство в романе – это, несомненно, Петербург, или город, утрированно названный Буниным городом «крайнего севера». Петербургское пространство – «чужое» равно как для Алексея Арсеньева, героя романа, так и для самого Ивана Алексеевича, для которого северная столица – воплощение «иногo» царства, некоей бездны, от которой хочется скрыться.

Если обратится к описанию Петербурга, можно заметить, каким неприглядным и «зловещим» предстает перед читателем этот город: «Тут было ужасно, – дровяные склады, извозчицьи постои, чайные, трактиры, портретные» [1, 419, далее цитируется роман по данному изданию]. Особое ощущение одиночества и пустоты, невыносимой безысходности навеивает герою северная столица: «Петербург! Я чувствовал это сильно: я в нем, весь окружен его темным и сложным, зловещим величием». Поэтому можно отметить, что Петербург – пространство враждебное, нерусское.

Важной стилевой особенностью в романе «Жизнь Арсеньева» является пейзажно-климатическая образность. Петербург – это и «сумрачная вьюга», и «предвечерняя снежная муть», и «снежный холод непроглядной вьюги». А вьюга, метель – это тоска, обреченность, несущая смерть, что еще раз подтверждает «чуждость» Петербурга для героя романа.

Таким образом, если рассматривать Петербург как воплощение ада, то путь в Петербург через города Полоцк и Витебск – это либо дорога в ад, либо то, что предшествует аду. Исходя из этого, Витебск и Полоцк – это своеобразный медиатор между «своим» и «чужим». Иван Бунин нигде в романе не называет эти города белорусскими. Витебск и Полоцк – безликое, этнически не маркированное пространство в романе.

Первый белорусский город, в который попадает Алексей Арсеньев, – это Витебск, который сразу показался герою «не русским». При описании города художник не прибегает к динамичному изображению природы. Витебск наполнен некоторой неспешностью, умиротворенностью, чистотой и тишиной: «Вечер был морозный, светлый. Всюду было очень снежно, глухо и чисто, девственно». Бунин обращает внимание на то, что в этой зимней картине есть своя неповторимость, непохожесть на всё увиденное и «прочувствованное» в других городах Алексеем Арсеньевым, которая поначалу ему нравится: «И как не похожа была ни на что та свежесть зимней ночи, снегов!»

Еврейское население очаровывает Алексея Арсеньева своей «чудной новизной»: «то и дело встречались старые евреи, в лапсердаках, в белых чулках, с пейсами, похожими на трубчатые, вьющиеся бараньи рога».

Люди с «восточно-конфетными» лицами, «печально-вопросительными» глазами, «томными антилопьиными» взглядами, «девичьей нежностью», «округлостью» лиц – всё здесь диковинное и незнакомое герою романа. «Нерусское», «неродное» – именно таким кажется население города Алексею Арсеньеву. И это объясняется еще и тем, что Витебск, Полоцк – это белорусские города, по которым проходила черта еврейской оседлости, которой нет ни в Каменке, ни в Батурино, ни даже в Орле.

«Я испытал чувство своей страшной отделенности от всего окружающего, удивление, непонимание, – что это такое все то, что передо мной, и зачем, почему я среди всего этого?» – отмечает Иван Алексеевич. Такое состояние переживает Алексей Арсеньев именно в белорусских городах – Витебске и Полоцке – хотя в романе им не дается маркировка как белорусским городам: эти города в романе изображены как российская глубинка, населенная преимущественно евреями.

Важно обратить внимание на описание органа в желтом костеле Витебска. Это не завораживающая своей диковинностью музыка, способная удивлять, потрясать и очаровывать. В звуке клавиш нет той глубины и проникновенности, которая связывается обычно в сознании со звучанием органа: «медлительно, задумчиво запел где-то надо мной орган, потек глухо, плавно», «потом стал возвышаться, расти – резко, металлически», стал кругло дрожать, скрежетать, как бы вырываясь из-под чего-то глушившего его». Для православного героя, для которого литургия строится на распевках унисонных и восьмиголосных, и звуки органа кажутся «резкими и металлическими», то есть неживыми, и латинские молитвы звучат «гнусава».

Уже здесь время останавливается, все вокруг погружается в состояние полудрёмы-полусна, растворяется грань между реальностью и нереальностью. Замирание, погружение в «мертвую» тишину, которую нарушает «жандарм, пренебрежительно гремящий шпорами», а «пряный запах ночного вокзального самовара», который, несомненно, ассоциируется у Алексея Арсеньева с детством, домом, уютом, чем-то родным и знакомым, помогает вырваться и очнуться «от оцепенения».

Тем не менее, путь героя романа не был завершён в Витебске. Впереди еще ждал Полоцк, где «шел зимний дождь, улицы были мокры, ничтожны». И снова появляется ощущение «чужого», «неродного», незнакомое. «Свое», родное – воспоминания детства – окрашены совсем в другие тона. В качестве примера можно привести красочное описание зимы в Батуриной усадьбе: «снежно-сахарный двор, изрезанный по сугробам полозьями, солнце, в остром морозном воздухе сладкий запах чада из кухонь», «тишина и блеск, белизна толстых от снега крыш», «слепящий веселый свет», «ледяная самоцветная игра на снегах».

Дорога в Петербург, в «чужое» пространство, в ад имеет соответствующее описание. Здесь не найдем ни легкости, ни очарования Батурина или Каменки. Некоторая обреченность, тоска, уныние слышатся в каждом слове описания пути в Петербург: «Бесконечный день. Бесконечные снежные и лесные пространства. За окнами все время вялая бледность неба и снегов... унылый простор снежных равнин... в низком небе что-то тускло-свинцовое... Север, север!»

Таким образом, на уровне стиля белорусский текст прописан как пограничный, то есть находится на грани между «своим» и «чужим». Маргинальность белорусского текста можно зафиксировать в следующих чертах:

Уровень звуковой образности: «в часах постукивало с такими оттяжками, точно само время было на исходе», «пренебрежительно гремя шпорами», «всюду говор, стук ножей по тарелкам».

Уровень колористики: «желтый костел», «полумрак», «полукруг огоньков», «железные латники в виде черных приведений», «сонно горящая лампа», «полутемный буфет», «сумрачное пространство», «стенные лампы в матовых шарах». Разнообразие цветовой палитры присуще одежде молодых евреек, которые наряжены «с провинциальной пышностью в бархатные толстые шубки, лиловые, голубые, гранатовые».

Обонятельные ассоциации: «всюду запах соусов, щей, которым дуют туда и сюда летающие лакеи» (Полоцк), «пряность ночного вокзального самовара», «свежесть зимней ночи» (Витебск).

Полярность двух мироощущений – жизнеутверждающего, наполненного восторгом и наслаждением каждой минутой жизни, и безысходного, трагического, где есть место одиночеству, разочарованию.

«Город показался мне древним и нерусским» – древность в данном случае можно считать положительной характеристикой города. Как отмечалось выше, это древность первоначально очаровывает и удивляет Алексея Арсеньева, нравится ему. «Я шёл как очарованный в этой толпе, в этом столь древнем городе, во всей его чудной новизне для меня». Но в то же время «испытывал чувство страшной отделенности».

Замедление течение времени, которое растворяет грань между реальностью и нереальностью: «медленно двигалась густая толпа полных девушек», «медленно задумчиво пел орган», «мертвая тишина», «бесконечное ожидание», «бесконечный день» (Витебск).

Таким образом, Иван Алексеевич Бунин, используя многообразие средств художественной выразительности, хорошо разработанные художественные приемы, создает свою картину белорусской действительности. Если такие города, как Орел, Харьков, Москва – это города, вселяющие надежду, с которыми связаны дорогие для Алексея Арсеньева воспоминания, то белорусские города Полоцк и Витебск – это, скорее, напоминание об одиночестве, обреченности, тоске самого героя, скудно-

сти пейзажа, «нерусскости» сооружений, людей, о потере во временном пространстве.

Для сравнения можно привести следующие описания, которые строятся по принципу контраста:

«Огромная, людная, старая Москва встретила меня блеском солнечной оттепели, тающих сугробов, ручьев и луж, громом и звоном конок. Там все было чудесно» – «Всюду было очень снежно, глухо и чисто. То и дело встречались старые евреи, в лапсердаках, в белых чулках, в башмаках» (Витебск).

«Севастополь же показался мне чуть не тропическим. Какой роскошный вокзал, весь насквозь нагретый нежным воздухом! Небо от зноя даже бледное, серое, но и в этом роскошь, счастье, юг» – «В Полоцке шел зимний дождь, улицы были мокры, ничтожны...вялая бледность неба и снегов... Север, север!»

А Север для южного писателя, – все равно что ад: место, где нет для него приюта, душевного покоя, нет «томящей красоты» и очарования. И в подтверждение можно привести следующие слова Алексея Арсеньева: «Ты говоришь – Петербург. Если бы ты знала, какой это ужас и как я там сразу и навеки понял, что я человек до глубины души южный».

Литература

1. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева //Избранная проза. Мн., 1984. С. 202–454.

ТИПЫ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ ПО ЛИТЕРАТУРЕ И ИХ РОЛЬ В ОБУЧАЮЩЕМ ПРОЦЕССЕ

Е. А. Семионько

Стратегия современного образования заключается в его индивидуализации, предоставлении обучаемым возможности реализовать свой творческий потенциал. В связи с этим остро встает проблема организации активной познавательной и созидательной деятельности учащихся. Накопленный школьниками в процессе такой деятельности творческий опыт является основой для самореализации личности на последующих этапах непрерывного образования. Таким образом, вопросы творчества приобретают все большее значение не только в системе художественного образования, но и образования в целом.

Существует стойкое заблуждение, что способность к творчеству – качество врожденное. Однако ребенок вырастает пассивным и нетворческим не потому, что таким родился, а потому, что не были созданы условия, которые бы способствовали развитию его креативности.

Творческие задания, работы нестандартного характера – вот что заинтересовывает, увлекает и захватывает школьника любого возраста, позволяет ему раскрыть свой интеллектуальный и творческий потенциал.